

wollt und planmäßig mit dem Aufessen des Brotes beschäftigt, ganz egal, ob sie am Ende wirklich das Brot vollkommen aufgegessen hat (vgl. 2a) oder ob ihr jemand dabei geholfen hat. Nun könnte man konstatieren, daß die Sätze ?*Epp sööb leiva* und besonders **Epp sööb vars-ti leiva* dadurch fehlerhaft werden, weil bei genitivischem Objekt das Anzeigen der Perfektivität einer Handlung obligatorisch ist. Es ist schon richtig, daß der Satz *Epp sööb leiva* nur in einem bestimmten Fall korrekt ist, und zwar dann, wenn angezeigt werden soll, wer das Brot zum Aufessen bekommt — hierbei verhält sich das Verb *sööma* in bezug auf die Partikel *ära* wie das Verb *saama*, vgl. *Epp saab leiva* : **Epp saab leiva ära*. Ganz sicher bedürfen die bisher unzureichend untersuchten Funktionen von *ära* einer tiefgründigen Erforschung. Und obwohl sich die Redundanz als Kriterium als unzweckmäßig erweist, hat es den Anschein, daß es sich bei den *ära*-Verben schon aufgrund anderer Kriterien um Entlehnungen handelt.

Wie nun deutlich wird, können die im Hinblick auf einige Kriterien vorgebrachten Anzweiflungen in keiner Weise dem Ergebnis der Forschung Schaden zufügen. Aus diesem Grunde muß das von Hasselblatt vorgestellte, 2794 estnische Partikelverben umfassende Korpus, das von 912 Simplexverben und 52 Partikelkombinationen repräsentiert wird, als ausreichender Beweis für die Entlehnung der estnischen Partikelverben aus Deutschen in Form von Lehnübersetzungen angesehen werden. Zweifellos kann, wie C. Hasselblatt selbst bemerkt, der estnische Muttersprachler die aufgeführten 912 Simplexverben und 52 Partikel mit Leichtigkeit

so kombinieren, daß noch Dutzende, in Hasselblatts Aufzählung nicht erfaßte Partikelverben entstehen, die ihrerseits das Forschungsergebnis erneut bestätigen würden. Noch mehr kommt ans Tageslicht: Den 10 im Estnischen am häufigsten gebrauchten Verbpunkten entsprechen im Deutschen 12 (S. 54), und die 25 am meisten in den Kombinationen auftretenden Simplexverben stimmen in beiden Sprachen fast überein (S. 55—57). Man sollte auch nicht jedes der 2794 Partikelverben und noch fehlenden Verben für direkte Lehnübersetzungen halten, worauf beispielsweise die vielfältigen Übersetzungsmöglichkeiten der deutschen Partikel hinweisen. Wahrscheinlich ist auch im Zusammenhang mit einer massenhaften Entlehnung von Partikelverben das entsprechende Bildungsprinzip für solche Verben übernommen worden, und jeder Sprachbenutzer kann mittels der Analogie in vielen Fällen selbst neue Partikelverben, die ihm bisher unbekannt waren, bilden. Dies bedeutet aber, daß sich der Einfluß des Deutschen auch auf die Grammatik ausgedehnt hat.

Die Forschungsergebnisse von Cornélius Hasselblatt sind derart überzeugend, daß es verwunderlich ist, daß so eine Abhandlung nicht schon viel früher geschrieben worden ist. Doch es wird auch ersichtlich, daß nur ein deutscher Muttersprachler eine solche Arbeit auf solch hohem Niveau verfassen konnte. Dies ist umso angenehmer zu bemerken, da die in der estnischen Kulturgeschichte bekannte deutschbaltische Familie Hasselblatt nun auch ihren Platz in der estnischen Sprachwissenschaft gefunden hat.

TIIT-REIN VIITSO (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1992.1.09>

Н. И. Исанбаев, Марийско-тюркские языковые контакты. Часть первая (Татарские и башкирские заимствования), Йошкар-Ола, Марийское книжное издательство, 1989. 174 с.

Монография Н. И. Исанбаева посвящена марийско-тюркским языковым контактам. Автор уже опубликовал ряд статей, затрагивающих данную тему, обратив особое внимание на разграничение тюркских заимствований по хронологии и источникам. На достаточно убедительном материале им установлены критерии выделения чувашизмов, татаризмов и башкиризмов в

лексике марийского языка и его диалектов. Исследования Н. И. Исанбаева представляют собой ценный вклад в изучение не только языков, но и этногенеза марийского, а также чувашского, татарского, башкирского народов, поскольку проблемы древних контактов финно-угорских народов с тюркскими в работе трактуются в историческом аспекте. И, наконец, вышел

обобщающий труд исследователя, созданный на основе большого фактического материала, собранного им за 35 лет по специальной программе, учтены также материалы В. П. Троицкого, А. Генетца, М. Силаши, Г. Рамстедта, Х. Паасонена, Ю. Вихманна, Э. Беке, Г. Берещки, И. Г. Иванова, Г. М. Тужарова, А. А. Саватковой, Ф. И. Гордеева, Д. Е. Казанцева, И. С. Галкина, Н. Т. Пенгитова и др.

Книга состоит из предисловия, введения, включающего несколько посвященных конкретным темам разделов (история изучения рассматриваемой проблемы, вопросы классификации заимствованных слов, периодизация марийско-тюркских языковых контактов), трех глав, заключения, списка использованной литературы. Основное внимание уделено татарским заимствованиям как важному иноязычному компоненту марийской лексики.

Во введении подробно излагается история изучения татарских заимствований в марийском языке, дан анализ работ по этой проблеме. Такой полный разбор представляет большой интерес и для тюркологов, занимающихся контактами тюркских языков с языками иной системы. Однако поскольку в привлеченных работах речь идет не только о татарских заимствованиях, точнее было бы назвать раздел так: история изучения тюркских заимствований в марийском языке.

Автор не ограничивается анализом литературы, но и ставит конкретные задачи в области изучения тюркско-марийских языковых контактов; так, задачей на будущее, по его мнению, остается проблема влияния марийского языка на татарский и башкирский (марийские заимствования в чувашском языке достаточно полно освещены в работах М. Р. Федотова, И. С. Галкина, Ф. И. Гордеева, Д. Е. Казанцева и др.). Нельзя не согласиться с Н. И. Исанбаевым в том, что необходимо продолжение лексико-семантического анализа заимствований с выделением наиболее интересных в культурно-историческом аспекте тематических групп. Дальнейшего изучения ждут и результаты марийско-татарских языковых контактов на фонетическом, словообразовательном и морфологическом уровнях.

Излагая теоретические основы работы, автор выделяет несколько видов заимствования: 1) заимствование слова, 2) заим-

ствование фонемы, 3) заимствование морфемы, 4) синтаксическое или структурно-синтаксическое заимствование, 5) синтаксическое заимствование.

Анализируя марийско-тюркские языковые контакты в историческом аспекте и их периодизацию, Н. И. Исанбаев пишет, что марийско-тюркские этнокультурные и этноязыковые контакты установились еще в VII и VIII вв. н. э. — после появления в Среднем Поволжье болгарских племен, усилились они в эпоху расцвета Волжско-Камской Болгарии (X—XIV вв.). В этом разделе заслуживает внимания утверждение автора о том, что в процессе многовековых контактов между разными народами происходило не только культурное сближение, но и частичное этническое слияние их (с. 26). Действительно, по данным исторических, археологических, этнографических материалов, марийцы как этнический компонент вошли в состав русских, татар, башкир, чувашей, удмуртов. Процесс этот продолжается и в настоящее время.

Среди тюркизмов марийского языка Н. И. Исанбаев выделяет болгаризмы, или древнечувашские заимствования (проникли с конца VII по XIX в.); собственно чувашские заимствования, воспринятые после формирования в XV в. чувашской народности, встречаются в основном в диалектах, распространенных в зонах непосредственного контактирования с чувашским языком. Относительно слов монгольского происхождения он придерживается мнения о проникновении их в марийскую лексику через посредство татарского и чувашского языков и относит монголизмы к лексическим единицам древнего пласта, представляющим собой неразложимые основы.

Влияние тюркских языков Поволжья и Приуралья на марийский язык и его диалекты в разные исторические периоды было различным, поэтому оправдан экскурс в историю татарских диалектов и в географию их распространения. Уместны приведенные сведения о диалектах марийского языка.

Особое значение в книге имеет первая глава — «Проблема отграничения татаризмов от заимствований из других тюркских языков».

Удачным представляется рассмотрение заимствований из некоторых источников

(арабо-персидские, монгольские, слова русского происхождения). Хотя и на небольшом лексическом материале, но обращение к ним имеет большое значение для прослеживания истории марийского народа по лексическим данным. Некоторые заимствования в марийский язык, как убедительно показывает автор, проникли через татарский, чувашский языки. Справедливо замечание, что часть персидских заимствований появилась в результате непосредственных контактов с ираноязычными племенами. К их числу относятся *марий* 'мужчина, муж, мариец', *онар* 'великан, богатырь', *паша* 'работа, труд, дело', *кинде* 'хлеб', *шор* 'молоко' и др. Это мнение согласуется с высказываниями других исследователей, в частности Ф. И. Гордеева и Д. Е. Казанцева.

Для разграничения чувашизмов и татаризмов в лексике марийского языка автор использует ряд фонетических, морфологических, семантических, географических признаков. Интересно определение им башкирских заимствований и отграничение их от татаризмов. Обзор марийско-татарских, марийско-башкирских исторических и языковых контактов позволил Н. И. Исанбаеву уточнить (хотя здесь не все бесспорно) источник заимствований. Достоинством главы следует признать анализ башкирских заимствований в марийском языке с точки зрения лингвистической географии для установления источников тюркских заимствований по отдельным диалектам. Данные автора способствуют также более углубленному изучению истории марийско-тюркских языковых контактов и проливают дополнительный свет на решение вопросов исторической лексикологии марийского, чувашского, татарского, башкирского языков.

Главу завершает раздел «К оценке марийских производных слов, образованных от тюркских заимствованных основ», в котором описываются отдельные суффиксы тюркского происхождения, а также решается ряд сложных проблем иноязычных заимствований. Теоретические положения автора подтверждаются лексико-статистическими данными.

Углубленному исследованию татарских заимствований в марийском языке посвящена вторая глава «Лингвогеографическая характеристика татарских заимствований». Несмотря на наличие ряда

работ по этой теме, глава представляет значительный интерес не только для марийского языкознания, но и для татарского. Применение лингвогеографического метода с привлечением лингвистической статистики позволило автору установить неравномерность распространения татарских заимствований по отдельным марийским диалектам, что объясняется различной степенью татарского влияния, продолжительностью и интенсивностью марийско-татарских языковых контактов, а также географическим положением диалектных массивов по отношению к таковому татарского языка. Так, по данным автора, богато представлены татарские заимствования в восточных диалектах марийского языка, носители которого непосредственно контактировали с носителями татарского языка данного региона. Достоинство этой главы составляют списки татаризмов в марийском языке по их территориальному распространению. Удачным представляется деление татаризмов на татаризмы, общие для всех наречий, и татаризмы, встречающиеся лишь в отдельных диалектах.

В третьей главе «Лексико-тематические группы татарских заимствований» Н. И. Исанбаев делит татаризмы на пять больших разрядов: 1) человек, семья и общество; 2) природа; 3) материальная культура; 4) трудовая деятельность человека; 5) духовная культура. Каждый разряд в свою очередь подразделяется на более мелкие тематические группы. Каждая словарная статья снабжена сравнительными данными из татарского и башкирского языков.

Данная глава имеет особое значение и для татарской диалектологии. Дело в том, что автор, будучи знатоком татарского разговорного языка, приводит ряд татарских слов, которые не зафиксированы даже татарскими диалектологами. При проверке данные Н. И. Исанбаева полностью подтверждаются. На сегодня нет, пожалуй, другого финно-угроведа, который бы так хорошо знал татарский язык с его диалектами и говорами. Но тут возникает замечание: в книге татарские (да и башкирские) глаголы даны в форме на *-у*. Между тем эта форма (используемая в современных словарях) скрывает конец глагольной основы, т. е. по ней нельзя судить об окончании основы

татарского глагола. Целесообразнее было бы взять для сравнения чистую основу (или форму повелительного наклонения 2 л. ед. ч.).

Отдельные примеры Н. И. Исанбаева, иллюстрирующие достоверность критериев отграничения татаризмов, требуют уточнения, например, лексические единицы *лэм* 'ил', *лавра* 'грязь' Н. И. Исанбаев относит к татарским заимствованиям, хотя некоторые авторы считают их исконно марийскими и марийскими заимствованиями в татарском и башкирском языках.

Данную главу завершает раздел «К вопросу о марийских заимствованиях в татарском языке». Включение в третью

главу указанного раздела вполне оправдано, ибо, как отмечает автор, марийские заимствования в татарском языке пока не служили предметом специального исследования. К сожалению, автор значительно сократил соответствующий материал. Хотелось бы увидеть в этом разделе марийские заимствования в полном объеме.

Актуальность анализируемых в книге проблем по марийско-тюркским языковым контактам и использование большого фактического материала делает монографию Н. И. Исанбаева интересной для специалистов по марийскому языкознанию и тюркологии.

Л. Ш. АРСЛАНОВ (Елабуга),

Р. Г. АХМЕТЬЯНОВ (Казань)

В. А. Сорвачева, Л. М. Безносилова, Удорский диалект коми языка. Отв. редактор В. А. Ляшев, Москва, «Наука», 1990 (Академия наук СССР. Уральское отделение. Коми научный центр. Институт языка, литературы и истории). 283 с.

Пермская диалектология пополнилась монографией по одному из интереснейших коми-зырянских диалектов — удорском. С методологической точки зрения работа почти не отличается от аналогичных исследований: описательный план без исторических экскурсов и экспериментальных данных, минимальное привлечение сравнительного материала по другим коми диалектам. Фактологический материал для работы в течение нескольких лет собирала известная коми диалектолог Валентина Александровна Сорвачева (1923—1977 гг.); он оформлен в виде научного отчета «Удорский диалект коми языка», хранящегося ныне в архиве Коми научного центра Уральского отделения АН. В. А. Сорвачева, один из опытных специалистов в области коми диалектологии, многие годы отдавшая изучению диалектов коми языка, предполагала отойти от традиционных схем описания коми диалектов. Однако после ее скоростижной смерти большинство разделов отчета подверглись переработке и редактированию: монография была дополнена новыми разделами, объем словаря увеличен — в результате композиция книги получилась не

совсем сбалансированной, о чем подробнее будет сказано ниже.

Удорский диалект распространен по верхнему течению реки Мезени и по верхнему и среднему течению реки Вашки — левого притока Мезени. На юго-востоке его ареал граничит с ареалом нижневычегодского диалекта, с которым удорский имеет много общих черт; на северо-востоке примыкает к ареалам вымского и ижемского диалектов. Вместе с этими диалектами он входит в северо-западную группу диалектов коми языка. В археологическом плане территория описываемого диалекта изучена неплохо. Имеются и ранние исторические документы: летописные упоминания, жалованные грамоты, писцовые и переписные книги. Есть основания считать, что бассейны Вашки и Мезени (частично) издревле были заселены коми племенами, которые поддерживали тесную связь с Прикамьем.

В кратком введении (с. 3—12) содержатся сведения о заселении Удорского края, дается обзор источников по истории изучения удорцев и их языка, говорится о тесных контактах с прибалтийско-финскими племенами и русскими переселенца-